

Улегшись вечером в постель, Шэнь Цинъюй продолжал всматриваться в светящийся экран телефона. Весь день он не тренировался — читал статьи о биполярном аффективном расстройстве, пытаясь разобраться в тонкостях чужого недуга.

Вдруг сбоку раздался тихий голос Цзи Цзиня:

— Который час?

Шэнь Цинъюй тут же погасил экран:

— Одиннадцать... Я тебя разбудил?

Цзи Цзинь весь день то проваливался в сон, то выныривал из него. Когда Шэнь Цинъюй в десять вечера лёг на свою половину кровати, юноша лишь на мгновение приоткрыл глаза и тут же снова уснул.

— Нет, просто нужно встать, — сонно отозвался тот.

В темноте Цзи Цзинь наощупь поднялся с постели и направился к выходу. Стоило ему переступить порог, как в коридоре мягко вспыхнул сенсорный ночник.

Когда Цзи Цзинь вернулся и снова улегся, телохранитель заблокировал телефон и отложил его в сторону. Он повернулся на бок, лицом к постели певца. Датчик в коридоре погас, погрузив комнату в кромешную тьму, где невозможно было разглядеть даже собственные пальцы. На слух Шэнь Цинъюй определил, что сосед тоже перевернулся, однако разобрать, лежит ли тот лицом к нему или отвернулся, в такой темноте было невозможно.

— А-Цзинь, — вполголоса позвал Шэнь Цинъюй, — какие лекарства тебе раньше прописывал врач?

В комнате надолго повисла тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием двоих мужчин.

Прошло немало времени, прежде чем Цзи Цзинь наконец отозвался. Его тон прозвучал непривычно резко и холодно:

— Хочешь убедить меня принимать таблетки?

Шэнь Цинъюй замялся, собираясь возразить, но в конце концов лишь покачал головой в темноте:

— Нет...

Он прекрасно понимал, почему юноша отказывается от терапии. Окажись он сам на его месте, наверняка поступил бы так же. Существуют вещи, которые значат куда больше, чем простое

физическое существование, и Шэнь Цинъюй понимал это как никто другой.

Но статьи, прочитанные днем, не давали ему покоя. В сети биполярное расстройство действительно часто называли «болезнью гениев» — в периоды мании у людей обострялась интуиция, а творческий потенциал взлетал до небес. Вот только обратная сторона медали — фаза глубокой депрессии — пугала своей разрушительной силой. Слишком многие не выдерживали этой удушающей тоски и сводили счёты с жизнью.

Как ни крути, это была болезнь, жестокая и непредсказуемая.

Шэнь Цинъюй надеялся мягко подтолкнуть А-Цзиня проконсультироваться у других специалистов — вдруг они предложат альтернативное лечение без столь сокрушительных побочных эффектов? Но стоило лишь робко завести об этом речь, как он наткнулся на глухую стену сопротивления. Продолжи они разговор в том же русле, и через минуту всё закончилось бы ссорой.

«К счастью, за последние пять лет я научился главному — терпению», — мысленно усмехнулся Шэнь Цинъюй с горькой иронией.

Спешить нельзя. Нужно действовать осторожно, и тогда выход обязательно найдётся.

На следующее утро Цзи Цзинь проснулся в одиночестве — соседа уже не было в комнате. Зайдя в ванную, он принялся чистить зубы, но, услышав тихий щелчок открывающегося лифта, поспешил выглянуть в прихожую. На пороге стоял раскрасневшийся и свежий после уличной прохлады Шэнь Цинъюй.

С зажатой в зубах щеткой и полным ртом белой пены Цзи Цзинь невнятно промычал:

— Ты что, бегаешь каждое утро?

Шэнь Цинъюй с облегчением отметил, что лицо певца уже не кажется таким мертвенно-бледным, как вчера.

— Ага. Десять километров с утра — и весь день чувствуешь себя бодрым.

«Десять километров! Ты уверен, что это заряжает тебя энергией на весь день, а не выжимает до капли последние соки?»

Цзи Цзинь уже приготовился ядовито съязвить, как вдруг его взгляд зацепился за крупную каплю пота. Она медленно скатилась по подбородку телохранителя, задержалась на чётко очерченном кадыке и скользнула ниже. В голове певца миг стало пусто, все колкие слова вылетели из памяти. Простояв так несколько секунд в полном ступоре, он молча развернулся и

уплыл обратно в ванную, продолжая меланхолично возить щёткой во рту.

Шэнь Цинъюй вошёл следом:

— А-Цзинь, как спалось сегодня?

Сплюнув пену в раковину и ополоснув рот, Цзи Цзинь бросил:

— Да нормально.

«Нормально?» — мысленно усомнился Шэнь Цинъюй. Ночью Цзи Цзинь несколько раз умудрялся подкатиться к нему вплотную и закинуть сверху руки и ноги, уцепившись за него, точно детёныш коалы за мать, отчего телохранитель то и дело просыпался. Если этот парень всегда спит в такой манере, то становится понятно, зачем ему ложе королевских размеров. Будь матрас хоть чуточку уже, Цзи Цзинь непременно совершил бы затяжной полет на пол.

— Ну а слабость прошла? Самочувствие как? — поинтересовался Шэнь Цинъюй.

Цзи Цзинь умылся прохладной водой и свежим, помолодевшим взглядом посмотрел на него из-под влажной чёлки:

— Намного лучше.

Видимо, долгий сон сотворил чудо. Пусть до пика активности было ещё далеко, но изнуряющая, высасывающая силы вялость наконец-то отступила.

— Сегодня поедешь на съёмки? — спросил Шэнь Цинъюй. — Может, стоит взять ещё пару дней отдыха?

— Ни к чему. Я могу работать.

Профессия артиста со стороны кажется сплошным праздником, но на деле это каторжный труд. За каждым проектом стоит огромная команда, чьи усилия завязаны на одном человеке. Стоит главному герою закапризничать или уйти на больничный — и колоссальная работа десятков специалистов летит в тартарары. Если ты не при смерти и можешь стоять на ногах, совесть просто не позволит в очередной раз сорвать съёмки.

Немного поразмыслив, Шэнь Цинъюй предложил:

— Помнится, ты порывался тренироваться вместе со мной. Как насчёт совместных пробежек по утрам?

— Пробежек? С тобой? В такую рань отмерять по десять километров? — Цзи Цзинь округлил глаза.

— Ну хотя бы часть дистанции. Я читал, что регулярные физические нагрузки и чёткий режим дня очень помогают... в таких случаях.

Цзи Цзинь смерил его скептическим взглядом:

— Спроси ты меня об этом через пару дней, я бы, пожалуй, согласился.

— Почему через пару дней?

— Потому что тогда у меня начнется такой подъём, что я буду казаться себе ярче солнца, — ухмыльнулся Цзи Цзинь. — Попроси ты меня в этот момент хоть звезду с неба достать — я бы пообещал глазом не моргнув.

Шэнь Цинъюй невольно улыбнулся. То, что Цзи Цзинь уже подшучивал над собственным диагнозом, было добрым знаком — парень действительно шёл на поправку.

Возвращаясь с пробежки, Шэнь Цинъюй захватил для него завтрак из «Старбакса». Оставив пакет на столе, телохранитель удалился в ванную смыть пот.

Сидя за столом и лениво потягивая латте, Цзи Цзинь прислушивался к монотонному шуму воды, доносившемуся из-за двери ванной. То ли кофеин так подействовал, то ли воображение разыгралось, но пульс у него внезапно участился, а к щекам прилил жар. Чтобы прогнать непрошеные фантазии, он поспешно включил на телефоне динамичный трек, заглушая плеск душа.

Сегодня Цзи Цзиня ждал плотный съёмочный день для модного глянца. Изначально фотосессия была распланирована на трое суток, но из-за вчерашнего пропуска теперь предстояло уложиться в два дня, вкалывая не покладая рук. Стоило им закончить с завтраком, как у подъезда засигналила машина — приехала Су Ань с личным водителем.

Забравшись в просторный салон минивэна, Шэнь Цинъюй по привычке нацелился на одиночное кресло в среднем ряду, однако Цзи Цзинь крепко ухватил его за рукав куртки и настойчиво потащил за собой на самый задний диван.

— То, о чём мы вчера говорили... не смей никому рассказывать, — придвинувшись вплотную, зашептал Цзи Цзинь прямо ему на ухо. — Даже Су Ань! Понял?

Шэнь Цинъюй изобразил пальцами, как застёгивает рот на замок и выбрасывает ключ, давая понять, что тайна умрёт вместе с ним.

— Смотри мне, — шутливо погрозил пальцем певец. — Даже случайно не проговорись.

Уловив шёпот и возню на заднем сиденье, сидевшая впереди Су Ань обернулась:

— И о чём вы там секретничаете?

Цзи Цзинь, так и не отстранившись от уха телохранителя, высокомерно сощурился:

— Сама же говоришь — секретничаем. С какой стати мне тебе докладывать?

Су Ань, глядя на то, как эти двое сидят плечом к плечу и таинственно перешёптываются, покачала головой:

— Мальчики, вас сфотографировать на память? Вы хоть понимаете, как двусмысленно сейчас смотрите со стороны? Прямо-таки сладкая парочка.

Ранее на подобный подкол Цзи Цзинь непременно огрызнулся бы в духе «сама ты ненормальная», но на сей раз он лишь лениво вскинул бровь и тихонько хмыкнул, даже не подумав спорить.

Отсутствие привычной колкости заставило Су Ань насторожиться. Отрешённо отвернувшись к лобовому стеклу, она принялась прокручивать в голове события последних дней. Какая-то смутная тревога закрадывалась в душу — поведение кузена становилось всё более странным.

На подъезде к павильону менеджер решила проинструктировать подопечного:

— Да, А-Цзинь. Поскольку вчера мы беспардонно продинамили съёмочную группу, я наплела им, будто у тебя подскочила температура и началось жуткое расстройство желудка — мол, даже на ногах стоять не мог. Так что давай, делай вид, будто приехал совершать трудовой подвиг вопреки недугу. Изобрази лёгкую немощь.

— Расстройство желудка... — лицо певца исказила гримаса брезгливости. — Поприличнее ничего выдумать не могла?

Су Ань обречённо вздохнула:

— Ну просвети меня, гений, какая ещё уважительная причина может приковать человека к постели так, что он даже трубку взять не в состоянии?

Цзи Цзинь лишь недовольно поджал губы. Действительно, вариантов «почему я не смог встать с кровати» у публичных людей было раз-два и обчелся, и большинство из них звучали ещё хуже.

По дороге к павильону Су Ань продолжала негромко зудеть над ухом:

— Как войдём, сразу же подойди к Анне Ли и извинись за вчерашнее. Она настоящий гений кадра, половина вирусных обложек последних лет — её рук дело. Если фотосет получится удачным, это сильно укрепит твои позиции в мире высокой моды.

Цзи Цзинь отмахнулся, явно утомлённый её нотациями:

— Да понял я, понял.

Они вошли в просторный павильон. Посреди зала у софитов возилась высокая стройная женщина с короткой стрижкой и каштановыми волосами — та самая Анна Ли, она же Ли Сюнь.

Услышав шаги, Ли Сюнь обернулась. Накануне её знатно разозлил сорванный рабочий день, поэтому лицо её было холодным, а между бровей залегла сердитая складка. Но едва её взгляд упал на прибывшую компанию, она замерла. На лице фотографа отразилось крайнее изумление, мгновенно сменившееся неподдельным восторгом.

Цзи Цзинь нахмурился, не понимая причин такой резкой перемены. Лишь когда они подошли вплотную, стало ясно: фотограф смотрела вовсе не на него.

Ли Сюнь сделала широкий шаг навстречу и несколько секунд во все глаза разглядывала телохранителя. Убедившись, что зрение её не обманывает, она радостно воскликнула:

— Крокодил?!

Шэнь Цинъюй, опешивший от столь бесцеремонного разглядывания, при звуках этого прозвища окончательно растерялся.

Су Ань перевела удивлённый взгляд с фотографа на телохранителя:

— Вы что, знакомы?

— Ну, я его прекрасно знаю, а вот он меня вряд ли помнит, — рассмеялась Ли Сюнь. — Я его давняя фанатка!

Су Ань и Цзи Цзинь ошарашенно переглянулись. Звезда фэшн-фотографии — фанатка простого охранника?!

— Вообще-то мы даже общались! — Ли Сюнь так разволновалась от неожиданной встречи, что напрочь забыла про стоявшую рядом капризную звезду. — Я была в зале, когда ты выиграл турнир «Врата Цзинъю» и взял чемпионский пояс. Помню, поймала тебя за кулисами, сделала несколько шикарных кадров и выпросила фото с автографом. Оно до сих пор висит у меня дома на стене над рабочим столом. Вспоминаешь?

Шэнь Цинъюй выдавил вежливую, но довольно натянутую улыбку. Все его воспоминания той поры были связаны исключительно с клеткой ринга; лица людей из толпы за его пределами сливались для него в единый пестрый шум.

— Ну ничего, столько времени прошло, — легко отмахнулась Ли Сюнь. — Надо же, судьба

какая... Слушай, я ведь впервые вижу тебя одетым! А ты, оказывается, тот ещё красавчик, когда не в одних шортах!

Шэнь Цинъюй густо покраснел и промолчал.

Лицо Цзи Цзиня в этот момент напоминало грозовую тучу. «Впервые видит одетым?! Что за пошлые намёки на публику, у этой женщины вообще с головой всё в порядке?!» — мысленно взвился он, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

— А ты здесь какими судьбами? — поинтересовалась фотограф. — Работаешь на студии?..

— Сяо Юй — личный ассистент нашего А-Цзиня, — поспешно перехватила инициативу Су Ань.

Ли Сюнь опешила:

— Ассистент? Серьёзно? Да с его габаритами ему скорее в телохранители надо!

Су Ань прикусила язык.

Шэнь Цинъюй и Цзи Цзинь синхронно промолчали. Надо же, как с ходу раскусила.

Разговор наконец-то свернул на главного героя съёмок, и Ли Сюнь сообразила, что увлеклась и невежливо проигнорировала звезду. Обернувшись к певцу, она вежливо поздоровалась:

— Здравствуйте, господин Цзи. Надеюсь, сегодня вам лучше?

— День добрый, — сухо отозвался Цзи Цзинь, обдавая собеседницу арктическим холодом.

Су Ань незаметно ткнула кузена кулаком в поясницу, напоминая о напутствии разыграть немощь и извиниться. Однако тот даже бровью не повёл, продолжая буровить фотографа неприязненным взглядом.

Спасая положение, Су Ань поспешила вклиниться с дежурными оправданиями:

— Анна, вы уж простите нас за вчерашнее недоразумение! У А-Цзиня подскочила жуткая температура, он буквально пластом лежал. Да и сегодня ещё толком на ноги не встал, приехал на таблетках. Очень надеемся на ваше понимание.

Ли Сюнь внимательно присмотрелась к артисту. Тот и впрямь казался бледным, почти прозрачным, с сухими обесцвеченными губами — типичный вид человека, едва оправившегося от сильного недомогания. Она участливо спросила:

— Объём работы у нас сегодня колоссальный. Уверены, что выдержите нагрузку?

Цзи Цзинь лишь молча кивнул, демонстративно глядя в сторону. К счастью, окружающие списали эту угрюмость на плохое самочувствие и не заподозрили неладное.

Фотограф сверилась с наручными часами:

— Отлично, тогда без промедления отправляйтесь на грим. План такой: до полудня закрываем всю студийную сессию, после обеда выезжаем на натуру, а если уложимся в график, то к вечеру попробуем нагнать вчерашние пропущенные сцены.

В модной индустрии авторитет звёздных фотографов непререкаем. Даже самым именитым артистам приходится искать к ним подход, ведь именно от взгляда мастера через объектив зависит успех будущей рекламной кампании или журнального разворота. У Цзи Цзиня была собственная проверенная команда стилистов, однако Ли Сюнь безапелляционно потребовала задействовать её штатного визажиста. Пришлось подчиниться. Впрочем, мастер фотографа оказался настоящим художником своего дела — его кисть творила чудеса.

На протяжении всего процесса подготовки образа Ли Сюнь крутилась рядом, внося коррективы в причёску и макияж, чтобы добиться нужного визуального эффекта. Параллельно она пыталась завязать с Цзи Цзином непринуждённый диалог — профессиональный приём, позволяющий раскрепостить модель перед началом работы. Однако артист шёл на контакт со скрипом: отвечал сухо, односложно, явно демонстрируя, что жаждет поскорее прекратить эту беседу.

Су Ань, наблюдавшая за этим со стороны, изнывала от беспокойства. Она ума не могла приложить, почему этот несносный мальчишка опять встал не с той ноги.

Заметив нарастающее отчуждение, Ли Сюнь решила не нагнетать обстановку и дать певцу время прийти в себя. Отойдя в сторонку, она переключила внимание на притихшего неподалёку Шэнь Цинъюя.

— Крокодил, — с живым любопытством спросила Ли Сюнь, — почему ты тогда так рано ушёл из спорта? Я всё ждала твоего возвращения в октагон, а прошло уже пять лет — и тишина.

— Появились... личные обстоятельства, — Шэнь Цинъюй слегка помрачнел, в глубине его глаз промелькнула тщательно скрываемая горечь. Он покачал головой: — Пожалуйста, не называйте меня так больше. Лучше просто по имени. Шэнь Цинъюй.

Ли Сюнь удивилась, заметив, что знаменитое прозвище заставляет его кривиться.

— Ой, прости, не знала, что тебе неприятно. Хорошо, Шэнь Цинъюй. Давай обменяемся контактами в WeChat? Я давно вынашиваю идею сделать масштабный фотопроjekt о китайских мастерах единоборств. Ты просто обязан стать одним из его героев!

Наблюдая за их воркующим тандемом через отражение в зеркале, Цзи Цзинь чувствовал, как внутри всё переворачивается. Фотограф кокетливо улыбалась, а Шэнь Цинъюй в ответ лишь

скромно переминался с ноги на ногу и смущённо улыбался. Эта картина приводила певца в бешенство.

— Господин Цзи, пожалуйста, не хмурьтесь, — взмолился визажист, зависнув над ним с кистью. — Мне нужно подвести вам брови, а из-за складок на лбу ничего не получается.

Шэнь Цинъюй уже достал смартфон, чтобы отсканировать QR-код, как из противоположного угла гримерной долетел властный голос Цзи Цзиня:

— Шэнь Цинъюй! Мне нужно выпить воды. Принеси немедленно!

Телохранитель мысленно вздохнул с облегчением. Общение с женщинами, а тем более с чересчур активными поклонницами, всегда давалось ему с трудом. Команда босса спасла его от неловкой беседы, дав законный повод сбежать.

Не успел он развернуться, как Су Ань сорвалась с места:

— Ой, да я сама мигом принесу! Вы общайтесь, общайтесь, не прерывайтесь! — менеджер лелеяла надежду, что благодаря дружеским чувствам к Шэнь Цинъюю фотограф выложится на все сто процентов и сделает шедевральные снимки.

Шэнь Цинъюй лишь мысленно развёл руками.

Цзи Цзинь сжал челюсти так, что едва не треснули зубы.

Когда Су Ань с сияющей улыбкой протянула кузену бутылку минералки, тот одарил её столь испепеляющим взглядом, что бедняжка невольно отшатнулась.

«Что я опять сделала не так?» — растерянно подумала менеджер.

Контактами они всё же обменялись. Шэнь Цинъюй мельком глянул на экран и заметил, что на аватаре у Ли Сюнь красуется совместное фото с крепким мужчиной спортивного телосложения. Из любопытства он открыл снимок полностью.

— А это мой благоверный, — заметив его интерес, с гордостью пояснила фотограф. — Он в сборной провинции Цзянсу по саньда состоит. Правда, до твоих титулов ему далеко. Слышал о таком?

Ли Сюнь действительно оказалась безумной фанаткой единоборств: мало того что следила за карьерой бойцов, так ещё и мужа отхватила из профессионального спорта.

Шэнь Цинъюй присмотрелся к лицу на фото и понимающе кивнул:

— Лично мы не пересекались, но имя на слуху. Я видел пару его поединков, отличная техника.

Сидя под кистями визажиста, Цзи Цзинь жадно впитывал доносившиеся обрывки фраз. Стоило ему услышать слово «муж», как невидимая пелена ревности, окутывавшая фигуру Ли Сюнь, мгновенно рассеялась. Фотограф внезапно показалась ему на редкость приятной особой, да и голос её больше не казался таким навязчивым.

Фигура супруга послужила отличным мостиком для беседы. Они быстро углубились в обсуждение спортивных новостей, и от первоначальной неловкости не осталось и следа.

Макияж певца был практически завершён, присутствие Ли Сюнь в гримёрной больше не требовалось, и она со спокойной душой вернулась к своим софитам и камере, чтобы до конца выставить сцену.

Шэнь Цинъюй подошёл ближе. Цзи Цзинь, скосив на него взгляд, тихо поинтересовался:

— С чего это она обозвала тебя Крокодилом?

При этом вопросе на лбу телохранителя вновь прорезалась недовольная складка. Спустя пару секунд он нехотя выдавил:

— Да так... Старое прозвище, фанаты напридумывали. Я в своих боях грешил одним эффектным приёмом — «Ударом хвостом крокодила».

В глазах Цзи Цзиня вспыхнул живой интерес:

— «Удар хвостом крокодила»? И что это такое? Покажи прямо сейчас!

— Это сложный удар из арсенала тайского бокса — бэк-кик, вертушка с разворота, — покачал головой Шэнь Цинъюй. — Для него нужен размах, в этой камерке я только мебель разнесу.

— Хорошо, покажешь на улице, — легко согласился Цзи Цзинь. Заметив, что собеседник упорно избегает подробностей, он мягко спросил: — Тебе так не нравится это прозвище?

Шэнь Цинъюй виновато почесал затылок и отвёл взгляд куда-то в пол:

— Да... глупость юношеская. Считаю, моя личная чёрная страница в биографии.

— Но почему?

Шэнь Цинъюй не ожидал, что капризный певец проявит такое упорство, и вздохнул:

— Понимаешь, у этого удара колоссальная амплитуда и убойная сила. Если попасть точно, соперник гарантированно улетает в глухой нокаут. Но обратная сторона медали — слишком долгая фаза подготовки. Если противник собран и держит дистанцию, увернуться от вертушки проще простого. А если он уйдёт с линии атаки, а я не успею восстановить равновесие, то мгновенно окажусь в уязвимом положении. Поэтому профессионалы высокого класса в

октагоне так не рискуют. Это я по молодости да из-за горячей головы любил порисоваться перед публикой...

Цзи Цзинь быстро уловил суть. Выражаясь геймерским языком, у этого «суперудара» было слишком долгое время каста, которое противник легко читал, а после применения наступал долгий кулдаун, лишавший бойца подвижности и дававший врагу отличный шанс для контратаки.

Но раз болельщики дали ему прозвище в честь этого финта, значит, Шэнь Цинъюй крутил свои вертушки регулярно и весьма успешно. Не свидетельствовало ли это о том, что в прежних боях его превосходство над оппонентами было абсолютным? Имея в арсенале кучу простых и надёжных способов досрочно завершить поединок, он намеренно выбирал самый эффектный и рискованный трюк ради дешёвых понтов.

Впрочем, Цзи Цзинь не видел в подобном пижонстве ничего плохого. В конце концов, артисты на сцене тоже вовсю используют фирменные фишки — виртуозные вокализы или эффектную хореографию, чтобы завести толпу. Что плохого в желании произвести впечатление? Даже по сухому описанию Шэнь Цинъюй этот удар представлялся безумно красивым зрелищем.

Но почему тогда парень упорно окрестил его своей «глупостью» и не желал слышать это прозвище?

Разгадки Цзи Цзинь не знал, решив про себя, что телохранитель, скорее всего, знатно поплатился за свою самонадеянность в поединке с каким-нибудь сильным соперником, отчего теперь и кривился при каждом упоминании о «Крокодиле».

— Жаль, я так ни разу и не видел твоих выступлений, — с искренним сожалением вздохнул Цзи Цзинь. — Вот бы посмотреть на твой бой вживую, прямо у ринга. Должно быть, дух захватывает.

Шэнь Цинъюй удивлённо приподнял брови:

— Ты действительно хочешь это увидеть? Мне казалось, жестокие виды спорта тебя не привлекают.

— Раньше — да, не привлекали, — согласился певец. По этой причине он до сих пор не удосужился отыскать в сети видеозаписи боёв своего телохранителя. Впрочем, этот пробел он твёрдо вознамерился устранить сразу же по окончании рабочего дня. Бросив на Шэнь Цинъюй короткий взгляд через зеркало, он добавил: — Но сейчас всё изменилось. Мне... очень интересно.

Визажист попросил Цзи Цзиня закрыть глаза, приступая к макияжу век. Оказавшись в темноте, певец не уловил, как при слове «бой» лицо Шэнь Цинъюй на мгновение преобразилось, озарившись предвкушением.

Зато эту вспышку эмоций прекрасно зафиксировала внимательная Су Ань. Наблюдая за ними, менеджер с силой потёрла виски. Нехорошее предчувствие внутри разрасталось с пугающей скоростью.

Когда образ был окончательно завершён, Цзи Цзинь уверенным шагом направился на съёмочную площадку. Первым делом он подошёл к Ли Сюнь:

— Анна, примите мои искренние извинения за вчерашний срыв, — с безупречной вежливостью произнёс он. — Сегодня я полностью в вашем распоряжении. Готов выполнять любые ваши указания.

Ли Сюнь на мгновение опешила, не понимая, из-за чего капризный артист вдруг сменил гнев на милость. Но радоваться профессионализму модели всегда приятнее, чем терпеть капризы, так что фотограф с готовностью подхватила его тон:

— Чудесно! У вас потрясающая фактура, господин Цзи. Уверена, сегодня мы сделаем шедевр!

Стоило начаться съёмкам, как Цзи Цзинь делом доказал серьёзность своих намерений. За три с лишним года в шоу-бизнесе объектив стал для него привычной частью жизни, так что ни тени зажатости он не выказывал. Ли Сюнь выбрала верную тактику: она постоянно хвалила его, подбрасывая точные метафоры для поз. Цзи Цзинь, падкий на искреннее восхищение, быстро поймал кураж. Работа спорилась.

Съёмочный процесс шёл без сучка и задоринки. Всего за полдня они полностью отработали павильонную часть. Су Ань организовала доставку лёгких салатов и прохладительных напитков для команды. Быстро перекусив, вся группа погрузилась в минивэны и двинулась на загородную локацию.

На время работы все личные вещи артиста переходили на хранение к Шэнь Цинъюю. В какой-то момент экран чужого смартфона в его руках загорелся — пришло уведомление. Взглянув на дисплей, телохранитель удивлённо хмыкнул: отправителем значился Чжан Юйсяо. Цзи Цзинь сам доверил ему пароль, наказав отслеживать срочные звонки и сообщения, чтобы оперативно вводить его в курс дела.

Шэнь Цинъюй разблокировал экран и невольно присвистнул от масштаба послания — пришлось дважды крутануть колесико прокрутки, чтобы доползти до приветствия. Бывший друг накатал настоящую исповедь длиной в добрую тысячу слов.

Скользнув взглядом по строчкам, Шэнь Цинъюй быстро уловил суть. Чжан Юйсяо рассыпался в дежурных извинениях, уверяя, что вся та грязь, которую он наговорил в гримёрке, была лишь минутной вспышкой гнева, а не его личным мнением. Он клялся всеми святыми, что не пускал слухи об интимной связи Цзи Цзиня с директором Дань — дескать, его самого подло дезинформировали завистники, мечтавшие вбить клин в их дружбу. Теперь-то он осознал всю абсурдность сплетен. Добрую половину этой бесконечной «простыни» занимали сопливые

воспоминания о том, как им было хорошо вместе последние три года, и слёзные мольбы простить его «минутную глупость».

Шэнь Цинъюй брезгливо поморщился и заблокировал экран.

Спустя полчаса объявили небольшой перерыв. Стоило Цзи Цзиню сойти с площадки, как Шэнь Цинъюй тут же укутал его в объемный пуховик и протянул термос с горячей водой. На дворе стоял промозглый март, а позировать приходилось в тонком дизайнерском костюме, так что пальцы артиста успели изрядно покраснеть от холода.

— Тебе пришло сообщение от Чжан Юйсяо, — ровным тоном произнёс Шэнь Цинъюй. Ему не хотелось тревожить А-Цзиня этой грязью, но служебные обязанности обязывали докладывать обо всём.

Лицо Цзи Цзиня в мгновение ока потемнело:

— Чёрт, совсем вылетело из головы заблокировать этого урода! Сделай одолжение — удали его отовсюду, закинь в чёрный список во всех мессенджерах, и номер телефона тоже заблокируй.

На губах Шэнь Цинъюя заиграла довольная улыбка:

— Понял. Сейчас устрою.

Услышав знакомое имя, Су Ань тут же вклинилась в разговор:

— А-Цзинь, даже не думай снисходить до ответа. Этот придурок вырыл себе могилу. Брат Лю доложил обо всём директору Дань, и госпожа Дань пришла в бешенство. Всю команду Чжан Юйсяо согнали в головной офис для сурового допроса — руководство твёрдо намерено выяснить, откуда поползли эти грязные слухи. Самому Чжан Юйсяо на ближайшие месяцы заблокировали все рекламные контракты и съёмки.

Цзи Цзинь не испытывал к поверженному сопернику ни грамма сочувствия, но и радости от его краха не ощущал — слишком противно было мараться о воспоминания. Его взгляд скользнул по перебинтованной руке Шэнь Цинъюя, и он раздосадованно поджал губы.

Передышка длилась недолго — Ли Сюнь снова позвала модель в кадр.

Шэнь Цинъюй остался стоять у кромки пожухлой мартовской травы. На его глазах разворачивалось настоящее волшебство: Цзи Цзинь послушно следовал указаниям фотографа, принимая одну позу за другой. Вот он опустился прямо на землю. Солнце пригревало повесенному мягко, и певец небрежно вскинул тонкую ладонь, защищая глаза от слепящих лучей. Золотистый послеполуденный свет очертил половину его лица, сделав кожу почти прозрачной, в то время как другая половина осталась погружена в глубокую, бархатистую тень.

«О чём он думает в эту секунду?» — заворожённо наблюдал Шэнь Цинъюй. Каково это — изо дня в день балансировать на тонкой грани между ослепительным сиянием софитов и удушающей тьмой собственной души, совершая эти вынужденные переходы против своей воли?

Шэнь Цинъюй показалось, что он улавливает крупницы этой боли, но он тут же мысленно одёрнул себя, сочтя подобные выводы глупыми и самонадеянными.

Карман куртки завибрировал — на этот раз звонил его собственный телефон. Увидев на экране имя тренера Ли, Шэнь Цинъюй поспешил отойти подальше от съёмочной площадки.

— Ах ты паршивец, — без злобы, по-отечески поприветствовал его Ли Жунгуан. — Как со свободным временем во вторник?

Шэнь Цинъюй мысленно воспроизвёл рабочий график Цзи Цзиня — вторник у того действительно числился выходным.

— Свободен, тренер. А что такое?

— Тут сборная провинции Цзянсу по саньда приехала на сборы в Шанхай, у них в обойме есть пара отличных парней из ММА. Я переговорил с их главным — мы сто лет знакомы, — и договорился устроить тебе полноценный тренировочный спарринг. Нас ждут во вторник. Ну как, поедешь?

— Поеду! Конечно поеду! — выпалил Шэнь Цинъюй. Лишь повесив трубку, он сообразил, что даже в выходной день ему следовало сначала получить разрешение у Цзи Цзиня. Но сейчас спортивный азарт пересилил здравый смысл — упускать такую возможность он не имел права, а проблемы с отгулом решит по ходу дела.

Самостоятельные тренировки помогали поддерживать физические кондиции, но не решали главную проблему — отсутствие полноценного боевого спарринга. Профессиональный спорт суров: мастерство оттачивается только в реальном противостоянии. Истории о великих мастерах, познавших истину в глухом уединении, хороши лишь для приключенческих романов, на деле же тренировки без спаррингов — обычная физкультура. Раньше он стабильно дважды в неделю посещал местный клуб, чтобы размяться с крепкими любителями. Но с тех пор как он связал свою жизнь с хаотичным миром шоу-бизнеса, времени не оставалось даже на банальный визит в зал.

Возможность сойтись в тренировочном бою с действующими профессионалами была для него манной небесной — именно тем стимулом, в котором его тело отчаянно нуждалось!

— Отлично, тогда договорились. Наберу тебя в понедельник вечером, — подытожил тренер Ли.

Ли Жунгуан уже собирался нажать отбой, когда Шэнь Цинъюй поспешно спохватился:

— Тренер, постойте!

— Чего тебе ещё?

— Вы не могли бы раздобыть мне пару билетов на июльский турнир «Решающая битва на вершине»?

— Чего-о? — изумился Ли Жунгуан. — Я же предлагал тебе проходки месяц назад, ты сам орал, что тебе они без надобности. С чего вдруг такой интерес?

Шэнь Цинъюй уклонился от прямого ответа, заискивающе протянув:

— Ну вам сложно, что ли? Пожалуйста.

— Да сделать-то не проблема, ты же один из ключевых участников, организаторы обязаны выделить контрамарки для твоих близких... — Ли Жунгуан на секунду замолчал, а затем в его голосе прорезались хитрые нотки: — Погоди-ка, парень. Ты что, девчонку себе нашёл?

— Да нет же, — Шэнь Цинъюй бросил быстрый взгляд на работающего вдали Цзи Цзиня. Он и сам не заметил, как его голос потеплел, а на губах заиграла нежная улыбка. — Просто... очень хороший друг.

— «Просто друг»? Девчонка, небось? Та самая, за которой ты увиваешься? — На старости лет Ли Жунгуан, перешагнувший полувековой рубеж, питал слабость к сентиментальным историям, а мечтательный тон ученика лишь подлил масла в огонь его любопытства.

— Да нет же, говорю вам. Это парень.

— Парень? — Ли Жунгуан мгновенно разочарованно вздохнул. — Слушай, тебе уже двадцать четыре стукнуло, а ты ни разу ни одной девчонки в зал не привёл. В восемнадцать лет мы вам строго-настрого запрещали крутить романы, чтобы мысли были заняты только делом и карьера не летела под откос. А теперь, глядя на тебя, я боюсь, что из-за своей упёртости ты так и останешься бобылём!

Шэнь Цинъюй прикусил изнутри щеку, носком кроссовка задумчиво пиная мелкий камешек на земле. Спустя мгновение он негромко рассмеялся:

— Тренер, вы же сами без умолку твердили, что я редкий талант и рождён для больших побед... Откуда вдруг этот пессимизм?

Ли Жунгуан опешил:

— Да при чём тут это?

— Мне всего двадцать четыре года. Разве это критический возраст для рывка? — голос Шэнь Цинъюя звучал удивительно легко и уверенно. — Я чувствую, что моё время ещё не ушло. Так что проявите немного веры в своего лучшего ученика.

В трубке повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Ли Жунгуан понимал его правоту, но спортивная реальность была жестокой. Двадцать четыре года — прекрасный возраст для инженера или юриста, которые только начинают свой путь после университета. Будь Шэнь Цинъюй обычным парнем, тренер первый бы поддержал его стремление сосредоточиться на карьере. Но для профессионального бойца двадцать четыре — это уже экватор, а для кого-то и финишная прямая активных выступлений. В девятнадцать лет у него в запасе было целое десятилетие, когда можно было ошибаться, проигрывать и начинать заново. А сейчас? Сколько сезонов отмерил ему организм? Три года? От силы четыре. И смешанные единоборства — спорт неблагодарный: если ты не заберёшься на самую вершину, то останешься ни с чем. Стоит ли ломать здоровье и тратить драгоценную молодость ради призрачного шанса?

Спустя долгую, тягучую паузу Ли Жунгуан глухо выдохнул в трубку:

— Что ж... покажи им всем, парень.

— Обязательно покажу.

Завершив разговор, Шэнь Цинъюй вернулся на своё место рядом с Су Ань, готовясь к долгому ожиданию. Рассеянно глядя на съёмочную площадку, он принялся машинально выдирать травинки у себя под ногами, и не успел опомниться, как расчистил вокруг приличную проплешину.

— Сяо Юй? — Су Ань ладонью помахала перед его лицом.

Тот встрепнулся:

— Да, сестра Ань?

— С кем это ты ворковал? — с улыбкой спросила она. — Стоило поговорить, как сразу ушёл в себя. Неужто зазноба объявилась?

Шэнь Цинъюй невольно усмехнулся. Да что за день такой? Сговорились они все, что ли, донимать его вопросами о личной жизни?

— Да нет... Это мой первый тренер звонил.

— Тренер? — взгляд Су Ань мгновенно стал серьёзным. Спустя минуту она негромко, с явной неохотой в голосе позвала: — Сяо Юй...

— Да?

— Ты ведь предупреждал на собеседовании, что пришёл к нам всего на три месяца, так как у тебя есть важные дела... Ты планируешь вернуться в профессиональный спорт?

Шэнь Цинъюй пристально посмотрел на неё, решив не юлить. Во время первой встречи он умышленно опустил подробности своей жизни: они были чужими людьми, да и его ситуация не терпела лишней огласки. Но раз Су Ань сумела разузнать о пребывании его отца в психиатрической клинике, то подробности его бойцовской карьеры для неё точно не были секретом.

Су Ань озабоченно прикусила нижнюю губу:

— Значит, планируешь вернуться в октагон? Сяо Юй, у тебя же был пятилетний перерыв в выступлениях! Ты уверен, что сможешь вернуть былую форму? К тому же сейчас ты круглые сутки проводишь с А-Цзинем. Твоих редких урывков на тренировки объективно мало для подготовки к серьёзным поединкам.

Шэнь Цинъюй этот разговор показался странным. С чего вдруг менеджер известного артиста так близко к сердцу приняла его спортивную судьбу?

— Сестра Ань, — мягко прервал её телохранитель. — В чём дело? Вы хотите мне что-то сказать?

Су Ань со вздохом покачала головой:

— Да... Видишь ли, я до сих пор не сказала А-Цзиню, что твой контракт рассчитан всего на три месяца.

Шэнь Цинъюй застыл на месте от неожиданности. Как это — Цзи Цзинь не знает?!

— Ты только не подумай, я не специально скрывала это от него! Просто... сама понимаешь, как всё закрутилось. Сразу после твоего утверждения мы улетели за границу, бесконечные съёмки, перелёты, график трещал по швам. Я банально закрутилась и забыла...

Разумеется, злого умысла у Су Ань не было, хотя мысль ввести кузена в курс дела пару раз всё же мелькала. Но каждый раз она отмахивалась от неё как от чего-то малозначительного. Помощники у Цзи Цзиня менялись с такой скоростью, что тот порой даже имён их запомнить не успевал до увольнения. Су Ань резонно полагала, что временный контракт Шэнь Цинъюй — такая мелочь. Поиски телохранителя велись в авральном режиме, и эти три месяца планировались как временная передышка, за время которой она смогла бы не спеша подыскать постоянного сотрудника.

Вот только она не учла одного: Цзи Цзинь явно выстраивал свои планы. В последнее время доверие певца к новому телохранителю росло пугающими темпами. Сначала он всучил Шэнь Циньюю ключ-карту от своего дома, а теперь и вовсе прописал у себя в квартире! За последние три года ни один помощник — включая её саму — удостоиться подобной привилегии даже не мечтал.

И теперь Су Ань хранила молчание уже не из-за забывчивости, а из банального страха. Она слишком хорошо представляла, какую разрушительную вспышку гнева вызовет у Цзи Цзиня эта новость.

Шэнь Циньюй растерянно молчал, не зная, что сказать.

Су Ань осторожно продолжила:

— Сяо Юй, можно нескромный вопрос? Какова твоя главная цель в единоборствах? Какое будущее ты для себя видишь?

Шэнь Циньюй посмотрел ей прямо в глаза:

— Взять чемпионский пояс. Стать чемпионом мира.

Су Ань онемела. То, с какой пугающей будничностью он произнёс эти весомые слова, лишило её дара речи.

Она внимательно изучала его досье пятилетней давности. Результаты действительно внушали уважение — более восьмидесяти процентов побед. Но его профессиональная карьера длилась всего два года, и большинство выигранных боёв проходили на провинциальном уровне. Да, он дважды одолел иностранных соперников, но... Путь к мировому признанию тернист и долог. Даже пять лет назад Шэнь Циньюй с натяжкой мог считаться перспективным бойцом национального уровня, до мирового пьедестала ему было бесконечно далеко. А теперь, после пятилетнего простоя, эта мечта и вовсе казалась безумием.

Су Ань зашла с другого бока:

— А в каком возрасте бойцы ММА обычно завершают карьеру?

— По-разному, — спокойно ответил Шэнь Циньюй. — В Юго-Восточной Азии уходят рано, частенько завязывают со спортом уже годам к двадцати двум. В Америке и Европе спортивный век дольше: там многие начинают профессионально тренироваться только после поры зрелости, а пика известности достигают ближе к тридцати пяти.

— А у нас, в Китае?

— Единого правила нет. Всё очень индивидуально.

Су Ань вздохнула. Разговор упорно заходил в тупик. Она попыталась зайти с практической стороны:

— И каково тебе совмещать постоянные разъезды со спортом? Не думаешь, что завоевать... чемпионский пояс, тренируясь набегами, будет малость затруднительно?

— Не знаю. Но я сделаю всё, что в моих силах, — Шэнь Цинъюй, словно прочитав её мысли наперёд, мягко улыбнулся. — Сестра Ань, я не отступлюсь. Даже не просите.

Су Ань поняла, что спорить бесполезно. Она надеялась ненавязчиво подвести его к простой истине: профессиональный спорт — лотерея с мизерным шансом на выигрыш. Если не доберёшься до вершины, к тридцати годам останешься у разбитого корыта и всё равно пойдёшь искать обычную работу. У него уже сейчас есть отличная должность с завидными перспективами, зачем ломать судьбу? Обладая острым умом и эффектной внешностью, он мог бы многому научиться, находясь рядом с Цзи Цзинем. Рано или поздно он перерос бы роль простого охранника. Индустрия развлечений огромна, и толковый человек без труда найдёт себе применение — хоть в кадре, хоть за кулисами, обеспечив себе безбедную жизнь.

Но фанатичная решимость во взоре Шэнь Цинъюя на корню обрубала любые попытки воззвать к здравому смыслу. Су Ань была слишком чуткой и тактичной, чтобы продолжать безжалостно сыпать соль на рану и портить парню настроение дурацким скепсисом.

— Ну ладно... — Су Ань вымученно улыбнулась. — Но давай договоримся: пока ни слова А-Цзиню. Не хочу, чтобы он разволновался перед съёмками. Дай мне время, я сама выберу подходящий момент и помягче всё ему объясню.

Шэнь Цинъюй промолчал, не давая обещаний.

Неподалёку Цзи Цзинь уже поднялся с травы и теперь медленно вышагивал навстречу тёплому весеннему ветру. Лучи солнца укутывали его хрупкую фигуру золотистым коконом. На этом ярком фоне его матовая белая кожа казалась неземной, почти прозрачной. В эту секунду он чертовски походил на прекрасного ангела, только что спустившегося с небес ради спасения этого грешного мира.

Наконец Шэнь Цинъюй медленно кивнул и вполголоса произнёс:

— Договорились, сестра Ань. Как соберётесь с мыслями — дайте мне знать.

<http://bllate.org/book/18263/1748561>